

ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ГОРНОГО АЛТАЯ*

Введение

Сравнительно недавно, лет 30 назад, проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту трактовалась достаточно просто. Во всех частях Старого Света палеоантропы (неандертальцы) трансформировались в неоантропов (кроманьонцы) в силу неких общеисторических закономерностей, сводящихся в конечном счете либо к пресловутой “трудовой деятельности”, либо к “влиянию природной среды”, либо к сочетанию того и другого. Смена среднепалеолитических форм культуры верхнепалеолитическими представлялась неотъемлемой частью того же процесса. В отечественной науке о первобытности данный подход был наиболее развернуто воплощен в “теории двух скачков”, разработанной философом Ю.И. Семеновым [1966].

Начиная с 1980-х гг. ситуация все более и более усложняется. В настоящей статье я затрагиваю основные аспекты проблемы перехода от среднего палеолита к верхнему. Опорными в данном случае являются материалы Восточной Европы и Горного Алтая – двух регионов Евразии, где работы в последние десятилетия дали особенно заметные и весьма неожиданные результаты.

*Работа выполнена при поддержке Программы Президиума РАН “Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям” (проект “Адаптация культур среднего/верхнего палеолита Восточной Европы к изменениям природно-климатических условий (в контексте среднего/верхнего палеолита Евразии)” и РФФИ (проект 04-06-80037).

Горный Алтай

Процесс перехода к верхнему палеолиту, реконструируемый по материалам этого региона, наиболее соответствует “классическому” сценарию. По мнению исследователей, работающих в Горном Алтае, он проходил эволюционно, на базе местных среднепалеолитических традиций. “Уникальность многослойных среднепалеолитических местонахождений Горного Алтая, находящихся на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга, состоит именно в том, что они позволяют проследить эволюцию от среднепалеолитических к верхнепалеолитическим индустриям” [Деревянко, 2005а, с. 504].

Прежде всего отметим, что некоторые положения, выдвинутые исследователями данного региона в конце 1990-х гг., в дальнейшем были существенно скорректированы. В одной из обобщающих публикаций 1998 г. памятники ранней поры верхнего палеолита (далее – РВП) Горного Алтая рассматривались как единый “кара-бомовский пласт”, в который включались наряду с эпонимной многослойной стоянкой Кара-Бом такие памятники, как Денисова пещера, стоянки Усть-Каракол, Усть-Канская, Малая Сыя и др. [Деревянко и др., 1998, с. 112, рис. 60]. Под понятием “пласт” понималась «межрегиональная археолого-стратиграфическая система, объединяющая в себе индустриальные комплексы памятников, не относящихся к одной “археологической культуре”, но существующих в одно время и обладающих принципиально общими технологическими характеристиками» [Там же, с. 111]. Постулировалось, что памятники одного пласта “должны быть сопоставимы, как минимум, по трем показателям: территориальному, хронострати-

графическому и технологическому” [Там же]. Однако именно технологический уровень является “общей нитью, связывающей воедино индустрии различных объектов” [Там же].

Замечу, что особая роль технологии и заранее предполагаемая разнокультурность индустрий, объединяемых в один “пласт”, сближают последний с употребляемым мною понятием “технокомплекс” (далее – ТК). Однако имеется и существенное отличие: для отнесения индустрий к одному ТК их территориальная и хронологическая близость не обязательны (см.: [Аникович, 2003; и др.]).

В дальнейшем понятие “пласт” исследователями Горного Алтая стало применяться лишь к среднепалеолитическим индустриям. В работах начала 2000-х гг. ими последовательно проводился тезис, что основой формирования традиций РВП Северной Азии послужило “единое культурное пространство” (т.е. “пласт”), к которому относится обширный район от Монголии, Горного Алтая и Средней Азии до Ближнего Востока. Он характеризуется “прямыми технико-типологическими аналогиями”, прослеживаемыми как в технике скола, так и в наборе орудий [Деревянко, Шуньков, 2005б, с. 72; Природная среда..., 2003, с. 354–355]. Однако в финале среднего палеолита (60–50 тыс. л.н.) в Горном Алтае наметились два технических варианта (линии развития, в некоторых работах – технокомплексы) – кара-бомовский и денисовский (усть-каракольский).

Первый из них демонстрирует преобладание леваллуазского расщепления и техники пластинчатого скола. Типологический набор инвентаря определялся в первую очередь леваллуазскими формами в сочетании с зубчато-выемчатыми и верхнепалеолитическими орудиями. Для денисовского варианта характерны преимущественно параллельное и радиальное расщепление, доминирование в орудийном наборе скребел различных типов и наличие выразительных леваллуазских изделий [Деревянко, Шуньков, 2005а, с. 284; Деревянко, 2005а, с. 504].

На базе этих двух вариантов ок. 50–40 тыс. л.н. на Горном Алтае формировались две самостоятельные традиции (линии развития) РВП – кара-бомовская и усть-каракольская (иногда называемые вариантами). Усть-каракольскую традицию (индустрии Усть-Каракола-1, Денисовой пещеры, Ануя-3, Тюмечина-4 и, видимо, пещеры Страшная) представляет, в частности, комплекс ориньякоидных форм, включающий концевые скребки на пластинах с признаками ориньякской ретуши (в т.ч. “с перехватом”), скребки типа карене, срединные резцы (в т.ч. многофасеточные), крупные пластины, подвергнутые регулярной ретуши по периметру, ретушированные микропластинки.

По мнению исследователей, усть-каракольская традиция, с одной стороны, вырастает на основе ле-

валлуазской техники снятия заготовок, а с другой – включает в себя двусторонние листовидные формы. Встречены многочисленные изделия из кости, в т.ч. иглы с ушками. Показателен чрезвычайно ранний выразительный набор украшений, состоящий из подвесок и бус из бивня и зубов животных, фрагмента бивневого кольца, костяных пронизок с симметричными рядами глубоких широких нарезок, раковин моллюсков с искусственным отверстием, подвесок и бус из мягкого поделочного камня [Деревянко, 2005б, с. 13; Деревянко, Шуньков, 2005а, с. 284; Деревянко, Рыбин, 2005, с. 243–245, 247]. Особенно сильное впечатление производит фрагмент браслета, сделанного из серпентина (змеевика), с отверстием для шнура (?). На его поверхности запечатлены следы весьма совершенных технологий – пиления, сверления, шлифовки [Палеолитическое детство..., 2005, с. 10–11].

Большая часть костяных орудий и украшений, в т.ч. упомянутый фрагмент браслета, относится к слою 11 Денисовой пещеры – древнейшего из содержащих находки такого рода. Этот слой далеко не однороден и представляет собой целую пачку отложений, включающую не менее трех горизонтов обитания – в сущности, самостоятельных культурных слоев. Отметим, что изделия из кости и украшения встречаются как в среднем, так и в нижнем горизонте обитания, залегающем в основании слоя 11. Для средней части этой пачки отложений получена конвенциональная ^{14}C -дата $>37\,235$ л.н. [Природная среда..., 2003, с. 110–111, 132, рис. 70; Деревянко, Шуньков, 2005б, с. 74]. Для нижней части слоя 11 в восточной галерее Денисовой пещеры в 2005 г. была получена $^{14}\text{C}_{\text{AMS}}$ -дата $48\,650 \pm 2\,380/1\,840$ л.н. [Деревянко, 2005а, с. 504; Деревянко, Шуньков, Волков и др., 2005, с. 100–105]. В целом, возраст соответствующих горизонтов Денисовой пещеры (слой 11) и Усть-Каракола-1 (слои 11–9) определяется А.П. Деревянко в диапазоне 45–35 тыс. л.н. [2005б, с. 13].

Кара-бомовская традиция, сложившаяся на основе одноименного среднепалеолитического технического варианта, представлена индустриями стоянок Кара-Бом, Кара-Тенеш и, возможно, Малояломанской пещеры [Природная среда..., 2003, с. 356]. Она характеризуется хорошо выраженным пластинчатым обликом. Крупная пластина сочетается здесь с некоторым количеством микропластин. Для набора орудий наиболее показательны изделия, полученные на пластинчатых заготовках [Деревянко, 2005б, с. 13; Деревянко, Шуньков, 2005а, с. 284]. Как и на памятниках усть-каракольской традиции, на объектах кара-бомовского пласта отмечено очень раннее проявление символической деятельности – подвески из костей и зубов животных. Для слоя стоянки Кара-Бом, в котором зафиксированы эти изделия (уровень обитания 5), имеется ^{14}C -дата $43\,300 \pm 1\,600$ л.н.

Таков в общих чертах сценарий перехода от среднего к верхнему палеолиту в одной из наиболее исследованных частей Северной Азии. Для палеолитоведа, всю жизнь изучавшего европейские регионы, в которых верхний и средний палеолит характеризуется чрезвычайно дробными культурными дифференциациями, возникает вопрос: ограничивается ли разнообразие горно-алтайских средне- и верхнепалеолитических индустрий названными выше дефинициями? Или возможна их дальнейшая дифференциация?

Ответ исследователей данного региона, касающийся мустьерских индустрий, вполне однозначен: “Сейчас нет достаточно веских оснований связывать выделенные в среднем палеолите Горного Алтая технические варианты с обособленными группами древнего населения, носителями самостоятельных культурных традиций. Отсутствуют также серьезные доводы в пользу квалификации индустриальной изменчивости алтайского среднего палеолита как явления хронологического порядка. Хроностратиграфия палеолита Алтая свидетельствует о длительном параллельном развитии двух основных индустриальных вариантов на протяжении всего так называемого мустьерского вюрма” [Деревянко, Шуньков, 2005б, с. 70]. Таким образом, различия, которые зафиксированы на данный момент, обусловлены не культурными явлениями – диффузией, инфильтрацией нового населения и т.п., а природными факторами и различиями адаптационных стратегий. “...Дифференциация каменных индустрий в пределах единой среднепалеолитической культуры была связана, скорее всего, с сочетанием различных сезонных, ландшафтных, производственных... и других факторов” [Там же]. Аналогичным образом интерпретируются и изменения хронологического порядка: “Индустрия среднего палеолита на территории Горного Алтая характеризуется поразительной гомогенностью. Это не означает, что она не развивалась. ... Например, стоянки, относящиеся к 70–60 тыс. л.н., отличаются от более ранних большей долей зубчатых, выемчатых и близких к ним форм. Согласно палинологическим данным, в это время увеличилось количество темнохвойных пород. Более широкое распространение зубчатых и выемчатых форм свидетельствует об адаптации человека к меняющимся экологическим условиям, переходе к более активному использованию изделий из дерева. С этих позиций следует рассматривать и появление на отдельных местонахождениях (Усть-Каракол-1 и Ануй-3) бифасиальных изделий” [Деревянко, 2005а, с. 504]. Вопрос о более дробной дифференциации двух выделенных верхнепалеолитических традиций Горного Алтая в настоящий момент, насколько мне известно, не ставится.

Если нижняя хронологическая граница РВП Горного Алтая определяется рубежом 50–45 тыс. л.н., то верхняя, очевидно, порядка 28 тыс. л.н., судя по хро-

нологическим рамкам, устанавливаемым для средней поры верхнего палеолита (далее – СВП) данного региона. “Следующий этап развития верхнего палеолита (т.е. СВП. – М.А.) на Алтае относится к 28–23 тыс. л.н. В эту эпоху основные технические показатели каменных индустрий оставались в рамках традиции параллельного расщепления для скалывания пластин небольших и средних размеров с плоскостных, призматических и торцовых нуклеусов. Наиболее выразительным компонентом инвентаря, определяющим специфику среднего этапа верхнего палеолита, являются миниатюрные орудия, среди которых имеются изделия граветтоидных форм” [Деревянко, Шуньков, 2005а, с. 285–286].

Восточная Европа

На Европейском континенте наблюдается иная ситуация. В настоящей работе я счел необходимым сосредоточиться именно на восточно-европейских материалах, поскольку: а) материалы Восточной Европы наименее известны нашим западным коллегам; б) результаты изучения находок с этой территории, проводившиеся в последнее десятилетие, по-новому осветили проблему перехода от среднего к верхнему палеолиту. Должен отметить, что общие характеристики процесса перехода имеют в целом паневропейскую направленность, хотя и проявляются через ярко выраженную локальную специфику.

Общая характеристика РВП Европы

В самом общем виде РВП Европы можно определить как сочетание (сосуществование) трех основных типов индустрий: 1) собственно верхнепалеолитических (“развитых”), в которых отсутствует сколько-нибудь выраженный среднепалеолитический компонент; 2) собственно среднепалеолитических (переходного мустье); 3) “симбиотических”* (“архаичных”), в которых наряду с ярко выраженными верхнепалеолитическими элементами наличествует столь же хорошо выраженный (по крайней мере, в типологическом отношении) мустьерский компонент**.

*Термин принадлежит В.Н. Степанчуку. На мой взгляд, он точнее, чем употреблявшийся мной до сих пор термин “архаичная индустрия”.

**В литературе такие индустрии часто называют “переходными”. Я предпочитаю не пользоваться этим термином, поскольку возникает закономерный вопрос: от чего и к чему они “переходят”? От мустье к верхнему палеолиту? Но в технологическом отношении это уже бесспорный верхний палеолит, хотя и с присутствием архаичных элементов.

Именно так данный период определяется многими современными исследователями [Bar-Yosef, 1998; Kozłowski, 2000; Козловский, 2005; Mellars, 1989; Zilhão, d'Errico, 1999]. Оригинальная попытка осмыслить РВП Европы в несколько ином ключе принадлежит А.А. Синицыну. По его мнению, РВП характеризуется “бинарной оппозицией”: ориньяк – “переходные” индустрии. Список последних в трактовке А.А. Синицына включает “селет, кастельперрон, улущо, линкомбьен” [2005, с. 179]. При этом собственно “раннему верхнему палеолиту” предшествует особая периодизационная единица – “начальный верхний палеолит” (далее – НВП), которому не свойственна упомянутая “бинарность”. «Помимо более древнего возраста в серии, основными качественными признаками индустрий НВП по А.А. Синицыну являются: а) своеобразие инвентаря, не позволяющее отнести его ни к ориньяку, ни к “переходным” культурам; б) отсутствие выраженной связи как с предшествующей мустьерской эпохой, так и с памятниками последующей эпохи раннего верхнего палеолита; в) наличие специфических элементов культуры, развитые формы проявления которых традиционно связываются с более поздними археологическими эпохами, – украшений и специфических технико-типологических характеристик кремневой индустрии для слоя II Костенок-17 и костяного инвентаря для нижнего слоя Маркиной Горы» [Там же, с. 180].

Другой характерной чертой, присущей памятникам НВП в Европе, А.А. Синицын считает их “сильную вариабельность” в культурном отношении (исследователь, по-видимому, подразумевает, что в последующий период дело обстояло иначе!). В список восточно-европейских местонахождений, причисленных им к этому периоду, включены: нижние слои Костенок-14 (Маркиной Горы), “залегающие внутри и под отложениями с палеомагнитным экскурсом Лашамп-Каргополово” (т.е. “горизонт в почве” (ГП) и слой IVб); Костенки-17/II; грот Буран-Кая III, слой С в Крыму; Сокирница-1, слой III в Закарпатье; Мезмайская пещера, слой 1С на Северном Кавказе, а также (“что особенно важно”) стоянки Заозерье и Мамонтова Курья на северо-востоке Европы [Там же].

На мой взгляд, те основания, на которых НВП противопоставляется РВП в периодизационном отношении, неверны по существу. В верхнем палеолите Европы, безусловно, изначально присутствовали высокоразвитые индустрии. Но с ними опять-таки изначально сосуществовали симбиотические (“переходные”) индустрии. Об этом А.А. Синицын умалчивает. Приведем примеры. В списке памятников, причисленных им к НВП, указана Сокирница-1, слой III. Но не упоминается синхронная ей симбиотическая

селетская индустрия Королево-2/II*. Что касается самой Сокирницы-1/III, то, по мнению того же А.А. Синицына, ориньякоидный облик индустрии выражен там “значительно сильнее, чем это представляется” авторам раскопок. С этим я совершенно согласен и считаю возможным рассматривать данную индустрию как одно из ранних проявлений ориньякоидного ТК.

Костенковские памятники, причисленные А.А. Синицыным к НВП, также имеют собственную полноценную “бинарную оппозицию”. Однако в своем списке А.А. Синицын не упоминает Костенки-12/III. Между тем ее индустрия залегает в отложениях с палеомагнитным экскурсом Лашамп-Каргополово** и по комплексу данных (включая ¹⁴C- и AMS-даты) синхронизируется с индустриями Костенок-14/ГП и Костенок-17/II [Аникович, 2005а, с. 75–77]. Материалы Костенок-12/III, представляющие наиболее ранний этап симбиотической стрелецкой культуры, действительно, очень архаичны в типологическом отношении. Они не содержат ни украшений, ни произведений искусства. Впрочем, как и в Мамонтовой Курье, в Костенках-12/III был найден фрагмент обработанного бивня.

А.А. Синицын прав в одном: развитые верхнепалеолитические индустрии в Костенках сегодня представляются, по крайней мере, не моложе (а в некоторых случаях и древнее!) симбиотических (ср.: Костенки-12/III – симбиотическая, Костенки-12/IV, 14/IVб – развитые). Однако из этого никак не следует, что на всей территории Европы был некий единый пласт развитых индустрий, предшествовавших симбиотическим. Так, индустрии, Мамонтовой Курьи и Заозерья (северо-восток Европы), чья принадлежность к НВП, по мнению А.А. Синицына, имеет особую важность, не являются “развитыми” верхнепалеолитическими. Они вполне отчетливо вписываются в симбиотический селетоидный ТК. Не случайно исследователь этих памятников П.Ю. Павлов указывает на типологические связи материалов Заозерья с крымским микоком [2004].

Применительно к памятникам за пределами Восточной Европы концепция А.А. Синицына о “на-

*Здесь и далее первая (арабская) цифра означает номер памятника, а вторая (римская) – номер культурного слоя. Данная система впервые была введена А.Н. Рогачевым в конце 1970-х гг. для нумерации памятников Костенковско-Борщевского района. С тех пор она последовательно применяется мною.

**Строго говоря, во всех трех случаях (Костенки-12/III, Костенки-14/ГП, Костенки-17/II) наличие данного палеомагнитного экскурса нуждается в перепроверке. Далеко не все образцы, взятые на ПМ-анализ из соответствующих горизонтов Костенок-12 и 14, дали положительный результат. Данные ПМ-анализа по Костенкам-17 не опубликованы и основаны только на устном сообщении Н.Д. Праслова.

чальном верхнем палеолите” как периодизационной единице выглядит еще более шаткой. К примеру, богунисьен (по ^{14}C древнее 40 тыс. л.н.) невозможно исключить из начальной поры ВП. Однако его нельзя причислить к “высокоразвитым” индустриям с украшениями и без архаичных элементов. А как быть с древнейшими памятниками культур улуццо и шательперрон? Можно спорить о том, “дотягивают” ли они до 40-тысячелетнего рубежа, однако их глубокая древность (не менее 36 тыс. л.н.) никем не оспаривается. На каком же основании мы должны причислять их к РВП, если та же Мезмайская, слой 1С, отнесенная к “начальной” поре, по AMS датируется 35–33 тыс. л.н.

Нельзя согласиться и с утверждением А.А. Сеницына, что памятники, относимые им к НВП, “не имеют выраженной связи с памятниками последующей эпохи раннего верхнего палеолита” [2005, с. 180]. Можно сразу указать, что Костенкам-17/II в культурном отношении наиболее близка индустрия Костенок-12/II. Стратиграфически она может быть увязана с “горизонтом в пепле” Костенок-14. Но это уже не начальная пора ВП, а “последующая эпоха”.

На стоянке Заозерье представлена, по мнению П.Ю. Павлова, та же культура, что на стоянке Бызовой, имеющая ^{14}C -возраст ок. 28 тыс. л.н. и, несомненно, относящаяся к РВП. Кроме того, в наше время, кажется, никто из исследователей не отрицает культурных связей богунисьена с более поздними куличивскими индустриями. Наконец, большинство памятников стрелецкой культуры датируется 32–23 тыс. л.н. (Костенки-12/1а, Гарчи-1, Сунгирь), при том, что ранний этап этой культуры синхронен ряду высокоразвитых индустрий НВП, указанных в списках А.А. Сеницына.

Следует отметить и другое: собственно верхнепалеолитические индустрии последующего этапа РВП отнюдь не являются воплощением “чистого” ориньяка и демонстрируют значительную культурную вариативность. В качестве примера можно привести хотя бы памятники молодовской археологической культуры (далее – АК). Доказывать культурную вариативность симбиотических индустрий того же периода вряд ли необходимо. Различия между культурами улуццо, шательперрон, городцовой и стрелецкой достаточно очевидны.

Таким образом, я склонен оставаться на позициях, подробно изложенных и обоснованных мною в 2000 г. [2000]. Термин “начальная пора верхнего палеолита” имеет лишь чисто хронологическое значение – верхнепалеолитические индустрии древнее 32 тыс. л.н. В археологическом (периодизационном) отношении это неотъемлемая часть РВП, характеризующаяся даже не бинарной, а тройной оппозицией: симбиотические индустрии–“развитые” индустрии–пережи-

точное мустье. Детальным технико-типологическим анализом индустрий всего РВП в Европе выявляется очень высокая культурная вариативность.

Хронология и культурная вариативность РВП Восточной Европы

Нижней хронологической границе РВП соответствует, безусловно, появление древнейших верхнепалеолитических индустрий – неважно, “развитых” или симбиотических. Для европейских памятников это время “древнее 40 тыс. л.н.” (ранние индустрии богунисьена, бачокирьена, селета и, возможно, шательперрона). Однако проявляется тенденция омолаживать ранний западно- и центральноевропейский “ориньяк”. В последнее время его датируют не ранее 36,5 (реже – 38) тыс. л.н.; ранние даты ставятся под сомнение [Zilhão, d’Etrico, 1999].

Для большей части территории Восточной Европы верхнепалеолитические индустрии, достоверно датируемые ранее 32 тыс. л.н., не известны. Исключение представляет Костенковско-Борщевский район (средний Дон) и немногочисленные памятники, расположенные на северо-востоке Европы. Поэтому свой обзор я начну именно с Костенок.

Целый пласт древнейших индустрий *Костенковско-Борщевского района*, залегающих ниже линз вулканического пепла, согласно результатам ^{14}C -датирования, древнее 36 тыс. л.н. Даты, установленные другими методами, – от 50 до 38 тыс. л.н. В 2003 г. Д. Пайлом (Кембридж, Великобритания) было уточнено происхождение костенковского пепла: он связывается с флегрейским пеплом Y5 (C1), датирующимся 41–38 тыс. л.н. [Pyle et al., in press]. Конечно, оценивая это удревнение, следует учитывать несоответствие хронологических шкал, полученных разными радиометрическими методами. IRSL/OSL-даты также древнее, чем ^{14}C -даты. Стоит отметить однако, что это расхождение, по-видимому, имеет тенденцию к сокращению при датировке более молодых отложений. Так, хронологический “зазор” между определениями для кровли верхней гумусированной толщи на Костенках-12 (культурный слой 1), и особенно для “гмелинской почвы”, совсем невелик [Аникович и др., 2005, с. 74]. Тем не менее в настоящий момент при датировке древнейших отложений Костенок мы вынуждены ориентироваться в первую очередь на результаты IRSL/OSL. Стоит учесть и другое: ниже вулканического пепла на стоянках Костенки-1, -12, -14, Борщево-5 открыты последовательно залегающие ископаемые почвы, содержащие культурные остатки. Учитывая различия в палинологических характеристиках этих почв, четко зафиксированные в ходе сравнительного анализа материалов Косте-

нок-12 и -14, трудно предположить, что вся эта пачка палеопочв образовалась за короткий промежуток времени. Поэтому при оценке возраста нижней ископаемой почвы D на Костенках-12 и содержащихся в ней археологических материалов (культурный слой V) я ориентируюсь на IRSL- и OSL-даты, полученные С.Л. Форманом для данной палеопочвы и непосредственно перекрывающих ее отложений. В целом они укладываются в диапазон 50–43 тыс. л.н. (точнее см.: [Там же, с. 75; Forman, 2006, p. 125–126]). Для верхней части подстилающей их толщи серо-палевого суглинка имеется дата: 52–50 тыс. л.н. [Аникович и др., 2005, с. 75].

Верхней границе РВП в Костенках соответствует возраст кровли т.н. верхней гумусированной толщи (далее – ВГТ) – пачки гумусированных отложений, залегающих выше вулканического пепла. Для нее есть ^{14}C -определения: от 32 (низ) до 25–24 (кровля) тыс. л.н. Конечно, имеются отдельные явно “омоложенные” даты (как и отдельные явно “удревненные”). Однако такие отклонения возможны при применении любой методики абсолютного датирования. Синхронизация основных памятников РВП Костенковско-Борщевского района, основанная на комплексе всех данных, полученных к настоящему времени, была предложена мною в 2005 г. [2005а, с. 84].

В культурном отношении РВП среднего Дона выглядит следующим образом: мустьерские памятники здесь пока не известны вообще; среди симбиотических индустрий четко выделяется две культурные традиции (АК) – стрелецкая и городцовская.

Памятники *стрелецкой АК* имеются и за пределами Костенковско-Борщевского района (слои с треугольными наконечниками на стоянках Бирючья Балка, Гарчи-1, Сунгирь). Однако ранний этап стрелецкой культуры зафиксирован только в Костенках. Наиболее ярко он представлен материалами слоя III Костенок-12. Их характеризуют: признаки непластинчатой техники первичного раскалывания; плоские, параллельного снятия нуклеусы; орудия (ок. 250 экз.), выполненные преимущественно на отщепах, осколках и фрагментах плиток желтого кремня. Значительную часть орудий составляют типично среднепалеолитические формы: остроконечники, скребла различных типов. Есть специфические острия типа кэнсон. Серийно представлены ножи на осколках плитчатого кремня. Из типично верхнепалеолитических орудий наиболее характерны скребки, в большинстве своем короткие, подтреугольных очертаний, иногда с вентрально подтесанным основанием. Немногочисленны, но типологически выразительны стамески (данный термин достаточно широко распространен в литературе. Разумеется, он так же условен, как и термины “резцы”, “скребки” и т.п.) с тщательно оформленными прямыми высокими поперечными лезвиями.

Резцы отсутствуют, хотя на некоторых предметах отмечаются резцовые сколы. Изделия со следами чешуйчатой подтески редки [Аникович, 2003, рис. 4].

Типологически наиболее выразительны листовидные двусторонне обработанные орудия: удлиненные острия с округлым основанием и с основанием, обработанным “скребковой” ретушью; удлиненные острия, сужающиеся к основанию; треугольные наконечники с вогнутым основанием; наконечники типа “лист тополя”. Уникальным орудием является крупный двусторонне обработанный кварцитовый наконечник с черешком [Там же, рис. 5, 1]. Костяных орудий, украшений, произведений искусства не найдено, однако обнаружен бивень мамонта со следами обработки.

По технико-типологическим характеристикам выделяются еще три этапа развития стрелецкой АК. Второй этап представлен в Костенках памятниками, приуроченными к основанию ВГТ, – Костенки-1/V (восточная часть стоянки)*, -11/V, -12/1а, и в бассейне Камы стоянкой Гарчи-1. В слое 1а Костенок-12 обнаружена подтреугольная сланцевая подвеска с просверленным отверстием [Аникович, 2005б, с. 39, рис. 1; 2, 1]. К третьему этапу я отношу стрелецкие комплексы Бирючьей Балки**, а к четвертому (финальному) – стоянку Сунгирь. Общая тенденция развития прослеживается в усилении роли пластинчатого скола, уменьшении доли среднепалеолитических форм среди орудий. Процент двусторонне обработанных наконечников и их типологическая вариабельность

*В результате работ последних лет встал вопрос о разновозрастности стрелецких слоев Костенок-1 в западной и восточной частях стоянки. Представляется, что Костенки-1/V(Вост.) (раскопки 1950-х гг.) моложе, чем Костенки-1/V(Зап.) (раскопки 1980–1990-х гг.). Проверка этого предположения является одной из важнейших задач, стоящих перед Костенковско-Борщевской археологической экспедицией.

**Против этого возражает автор раскопок в Бирючьей Балке А.Е. Матюхин. По его мнению, слои с треугольными наконечниками Бирючьей Балки вырастают из местного мустье, а “стрелецкие” памятники среднего Дона, Камы и Клязьмы тоже должны иметь местную основу [2002, 2005 и др.]. Несостоятельность его аргументации, равно как и критики в мой адрес, была подробно освещена мною в специальной статье, посвященной генезису костенковско-стрелецкой культуры [2004а, с. 288–289]. Окончательный вывод таков: и в методико-методологическом, и в собственно археологическом отношении концепция А.Е. Матюхина представляет собой возврат на десятилетия назад, к началу 1930-х гг. Именно тогда любая попытка заниматься типологией как таковой немедленно клеймилась за “идеализацию форм”. Везде и всюду обязательно находились “местные корни”, а слово “миграция” являлось чуть ли не ругательным. Конечно, в современных работах А.Е. Матюхина отсутствует характерная для тех лет фразеология, но это не кажется мне принципиально важным.

возрастают на втором и третьем этапах, но резко падают на четвертом. Финальный этап характеризуется богатством и разнообразием костяных орудий, украшений, наличием произведений искусства.

К *городцовой АК* в Костенковско-Борщевском районе относятся стоянки Костенки-12/1, -14/II и -15. Они моложе стрелецких памятников и залегают в средней и верхней частях ВГТ*. Характеризуются следующими специфическими чертами. В верхнепалеолитическом наборе орудий преобладают скребки, формы которых весьма разнообразны, но среди них выделяются изделия с субпараллельными краями, с краями, расширяющимися к лезвию и близкими к округлым, причем каждый из этих вариантов, в свою очередь, подразделяется на типы. Много орудий со следами чешуйчатой подтески, особо выделяются маленькие чешуйчатые орудия “городцовского типа”. Проколки отличаются короткими жалами. Резцов немного, и они мало выразительны. В архаичном наборе орудий представлены многолезвийные скребла, в т.ч. с вентральной подтеской основания, а также остроконечники, лимасы и маленькие “рубильца” [Аникович, 2003, рис. 10]. Костяной инвентарь богат. Наиболее специфический тип – костяные лопаточки с рукоятью, оканчивающейся шляпковидным навершием.

За пределами Костенковско-Борщевского района некоторые специфические черты *городцовой АК* довольно отчетливо проявляются в верхнем слое стоянки Мира-1 в бассейне среднего Днепра. Радиоуглеродный возраст этого памятника, по компактной серии конвенциональных дат, ~27 тыс. л.н. [Степанчук, 2005, с. 233]. В коллекции представлены скребки с расширяющимися к лезвию и с параллельными краями, лимасы, мустьерские остроконечники и конвергентные скребла, в т.ч. с вентрально утонченным основанием [Коев, Степанчук, 2000]. Типологические параллели между Мирой-1 и Костенками-14/II были детально рассмотрены В.Н. Степанчуком [2005, с. 213]. По первым публикациям я с уверенностью относил этот памятник к *городцовой АК* [Аникович, 2003, с. 28], но теперь, с расширением количества материалов, эта уверенность несколько поколеблена. В Мире-1 довольно мало долотовидных орудий, но есть пластинки и остря дюфур, а также “негеометрические” микролиты, отсутствующие в *городцовских* памятниках среднего Дона. Вопрос о генетических связях указанных индустрий требует дальнейшей разработки. Впрочем, в любом случае, уже сейчас можно утверждать, что по своему возрасту Мира-1 никак

*К *городцовой АК* ранее относили и стоянку Костенки-16. Однако, по моему мнению, индустрия этого памятника демонстрирует иные культурные традиции (см.: [Аникович, 1991, с. 28–30]).

не может предшествовать *городцовским* памятникам Костенковско-Борщевского района. По времени она синхронна Костенкам-12/1.

Типологические параллели *городцовой культуры* обнаруживаются и на востоке, в бассейне р. Чусовой – стоянка Талицкого. Радиоуглеродный возраст этого памятника $18\ 700 \pm 200$ лет (ГИН-1907) [Радиоуглеродная хронология..., 1997, с. 61]. Несмотря на пространственную и временную удаленность от памятников *городцовой АК*, эта индустрия обнаруживает значительное сходство с ними. В ней присутствуют округлые скребки, прослеживаются такие типично *городцовские* элементы, как шип, обушок, признаки вентральной плоской ретуши, стрельчатая форма отдельных лезвий. Имеются чешуйчатые орудия *городцовского* типа. Сходны формы проколки. Говоря о различиях, следует указать, что на стоянке Талицкого нет скребел *городцовских* типов, а также лимасов и рубилец. Но такого рода отличия вполне объяснимы хронологическими особенностями развития одной системы традиций [Аникович, 1991, с. 30].

Наиболее ранние собственно верхнепалеолитические (“развитые”) индустрии РВП представлены на среднем Дону материалами Костенок-12/IV и -14/IVб. Последний памятник дал достаточно обильный материал. Как отмечает А.А. Сеницын, кремневая индустрия Костенок-14/IVб «характеризуется пластинчатой техникой первичного расщепления с использованием нуклеусов объемного, плоского, торцового и радиального снятий. Типологический состав определяется сочетанием скребков, двугранных резцов, преимущественно с угловым положением лезвия, долотовидных орудий и двусторонне обработанных изделий овальной и подтреугольной формы... Выразителен костяной инвентарь... в частности, роговые “мотыги”, ребро с заполированным до зеркального блеска концом, остря, по крайней мере, двух разновидностей, ребро с искусственно прорезанным продольным пазом, бивни с признаками искусственного расщепления и обработки, орнаментированный стержень из бивня мамонта» [Сеницын и др., 2004, с. 52–53, рис. 13]. Обращает на себя внимание наличие в слое предметов искусства (?) и украшений. В Костенках-14/IVб найдены подвеска с двумя искусственными отверстиями из раковины *Columbellidae* и предмет, интерпретированный автором раскопок как голова статуэтки из бивня мамонта [Там же, с. 52].

Коллекция Костенок-12/IV невелика – 72 каменных изделия, из которых лишь девять подвергнуто вторичной обработке. Преобладающее сырье – цветной кремль. В коллекции имеются пластина и микропластинка мелового кремня. Все изделия со следами вторичной обработки выполнены из цветного кремня. Среди них – концевой скребок на пластинчатом отщепе, два массивных двусторонне обработанных

орудия, рубилообразный бифас, два скребла (на отщепе и на осколке), острие кэнсон и выемчатое орудие на осколке цветного кремня. Отметим типологическое сходство овальных орудий из Костенок-12/IV и -14/IVб. По совокупности данных оба памятника древнее 40 тыс. л.н. Для культурной атрибуции (даже на уровне ТК) имеющихся материалов недостаточно. Можно лишь говорить об их своеобразии.

Несколько более молодые памятники *спицынской АК* (Костенки-17/II и -12/II) я отношу к ориньякоидному ТК. Основанием для этого служит наличие фрагментов пластин с элементами “ориньякской” ретуши, кареноидных скребков, преобладание срединных многофасеточных резцов и присутствие микропластинок с тонкой ретушью [Аникович, 2003, с. 24]. Костяной инвентарь известен только в Костенках-17/II. Он включает два шила из локтевых костей зайца или песка, два обломка костяных острий, два фрагмента поделок из бивня и обломок ложила. Коллекция украшений достаточно велика – ок. 50 подвесок, в т.ч. 37 просверленных клыков песка, четыре просверленные подвески из белемнитов, а также подвески из камня, ископаемых раковин и кораллов [Там же, рис. 13]. По заключению С.А. Семенова, сверление производилось вручную, без использования лучкового сверла (см.: [Борисковский, 1963, с. 104]). По совокупности данных указанные памятники спицынской АК датируются в пределах 40–33 тыс. л.н.

Еще моложе “типично ориньякские” (так их часто называют в литературе) индустрии Костенок-14/ГВП (радиоуглеродный возраст $32\,420 \pm 440\text{--}420$ лет (GrA-18063)) и Костенок-1/III (возраст определен по серии конвенциональных ^{14}C -дат – 26–25 тыс. л.н.) [Аникович, 2005а, с. 75–76]. Эти памятники, по-видимому, принадлежат одной культуре. Для них характерны пластины с признаками “ориньякской” ретуши (в т.ч. “с перехватом”), орудия на таких пластинах, скребки, многофасеточные резцы, острия, скребки каренэ, пластинки дюфур. Однако такие характерные для “классического ориньяка” формы, как резцы бюске и костяные наконечники с расщепленным основанием, здесь отсутствуют. Различны и украшения.

На среднем Дону зафиксирована и наиболее ранняя в Восточной Европе типично граветтоидная ранневерхнепалеолитическая индустрия Костенки-8/II (^{14}C -дата 27 тыс. л.н.) [Там же, с. 78–79]. Техника раскалывания типично призматическая, пластинчатая. Преобладающий вид заготовок – пластины и микропластинки. Нуклеусов немного, и они предельно сработаны. Большую часть орудий составляют микроострия и микропластинки с притупленным краем. Помимо игловидных острий с одним, реже – двумя притупленными краями, здесь отмечаются формы, близкие к геометрическим микролитам. Вторая по численности группа – резцы, среди которых

преобладают угловые и боковые. Скребков немного; все они разнородны. Выразительна группа зубчато-выемчатых орудий, выполненных почти исключительно на пластинах. Костяной инвентарь и набор украшений достаточно богаты. Любопытно, что при существенном различии Костенок-8/II и памятников городцовой АК (в первую очередь Костенок-14/II) их костяной инвентарь очень сходен, даже в специфических деталях (пронизки из мелких трубчатых костей, украшенные рядами параллельных насечек, каплевидные плоско-выпуклые подвески, орнаментированные параллельными линиями). Индустрия Костенок-8/II не имеет аналогов ни на среднем Дону, ни на других территориях.

Немногочисленные разнокультурные индустрии *северо-востока Европы* имеют достаточно древний возраст. Серийные ^{14}C -датировки, проводившиеся для каждого из четырех исследуемых здесь памятников, дали довольно близкие значения и позволили с уверенностью определить возраст объектов. Возраст древнейшей стоянки Мамонтова Курья 38–34 тыс. лет, стоянки Заозерье в целом – 33–30 тыс. лет, но если ориентироваться в первую очередь на конвенциональные даты, то ее возраст 31 тыс. лет [Павлов, 2004, с. 7], Бызовой стоянки – порядка 28 тыс. лет, Гарчи-1, верхний слой – порядка 29 тыс. лет.

По технико-типологическим характеристикам все четыре индустрии относятся к селетоидному ТК. Более детальный типологический анализ позволяет заключить, что Гарчи-1 относится бесспорно к костенковско-стрелецкой АК, точнее, ко второму этапу ее развития [Павлов и др., 2004, с. 118; Аникович, 2004а, с. 88]. Заозерье и Бызовую стоянки П.Ю. Павлов справедливо связывает с особой культурной традицией, отличной от стрелецкой, другими словами, к иной АК. Материалы Мамонтовой Курьи пока слишком незначительны для культурного определения, однако показательны наличие там фрагмента бифаса и бивня со следами обработки. Таким образом, можно утверждать, что в эпоху РВП люди не только достигли Полярного круга – центральных и северных предгорий Урала, но и более-менее регулярно проживали в северо-восточном регионе [Павлов, 2004, с. 16; Павлов и др., 2004, с. 118–119].

Обращаясь к более южным районам Восточной Европы, мы видим совершенно иную картину. В *Днестровско-Прутском междуречье*, где имеется много среднепалеолитических памятников и, казалось бы, можно проследить эволюции среднего палеолита в верхний, нет ни одной верхнепалеолитической стоянки, достоверно датирующейся ранее 32–30 тыс. л.н. На таких важнейших памятниках, как Молодова V и Кормань IV, зафиксированы более древние слои (Молодова-5/Ха, Кормань-4/Х), но выявленные там материалы слишком незначительны для достоверного

отнесения к среднему или верхнему палеолиту. Что касается памятников, принадлежащих молододской АК (Молодова-5/X-VII), то новая серия дат несколько удревнила их, но в любом случае возраст стоянок остался в пределах 30–28 тыс. лет [Haesaerts et al., 2003]. При этом даты, полученные для наиболее богатого находками слоя VII, варьируют в диапазоне от $21\,070 \pm 150$ лет (GrA-9443) до $28\,730 \pm 250$ лет (GrN-23578), что позволяет ставить вопрос о гомогенности этих материалов.

Сходную картину дают нам и симбиотические индустрии, представленные на территории Северной Молдовы. Сейчас их обычно называют молдавским селетом, но они явно разнокультурные (бронзенская АК, гордишештская АК и др.). Генетически эти индустрии (или, по крайней мере, их часть), по-видимому, связаны с индустриями Центральной Европы. Особенно показательна в этом отношении стоянка Корпач Мыс, для которой характерно сочетание селетоидных и ориньякоидных элементов. На ней представлены наконечники младечского типа [Борзьяк, Григорьева, Кетрау, 1981, с. 86–103].

Ранее я предполагал значительную древность грота Брынзены-1/III [1991, с. 14]. Однако полученная впоследствии серия из девяти ^{14}C -дат показала сравнительно молодой возраст этого памятника – от $14\,700 \pm 130$ л.н. (OxA-4120) до $26\,600 \pm 370$ л.н. (OxA-4122). Даже если признать даты порядка 14–16 тыс. л.н. явно омоложенными, то и в этом случае основная серия дает разброс от 19 до 26 тыс. л.н., причем большинство явно тяготеет к верхней границе. Показательно, что для однокультурного Брынзена-1 грота Чунту получены три даты в диапазоне от $18\,510 \pm 200$ л.н. (OxA-4125) до $22\,100 \pm 220$ л.н. (OxA-4774) [Радиоуглеродная хронология..., 1997, с. 59–60].

Две другие симбиотические индустрии, представляющие инокультурные традиции, имеют близкий к нижнему рубежу серии радиоуглеродный возраст, определенный для Брынзен-1: Климауцы-2, нижний слой – $24\,840 \pm 410$ лет (LU-2351) и Корпач, IV слой – $25\,250 \pm 300$ лет (GrN-9758) [Там же, с. 57–60]. Таким образом, на территории Северной Молдовы симбиотические культуры, которые по технико-типологическим характеристикам должны относиться к РВП, датируются в пределах 26–20 тыс. л.н. Разумеется, не исключено, что в ходе дальнейшего накопления данных картина изменится. Но, возможно, она отражает реальное положение дел и, по крайней мере, на части территории Юго-Западного региона становление ВП происходило в значительно более позднее время, чем на среднем Дону, хотя там имеется большое количество среднепалеолитических памятников. Впрочем, есть одно исключение – многослойная стоянка Стинка-1. Ее первооткрыватель и исследователь Н.К. Анисюткин относит нижний (среднепалеолитический) слой

стоянки к “преселету”, а вышележащий слой – к селетоидному ТК и отмечает присутствие ряда ориньякоидных элементов, включая скребки каренэ и пластинки дюфур. К сожалению, абсолютные даты для этого памятника отсутствуют, но по комплексу других данных (геологическая стратиграфия, палинологические и палеозоологические материалы) Н.К. Анисюткин склонен связывать нижний (“преселетский”) слой Стинки-1 с холодным аридным стадиалом раннего пленигляциала (OIS 4) (впрочем, не исключено датирование ранним стадиалом среднего вюрма – OIS 3). Собственно селетоидный слой, несомненно, датируется периодом среднего вюрма. Ориньякоидные элементы присутствуют в обеих индустриях, но показательно, что их больше именно в нижнем, мустьерском, слое. В связи с этим исследователь указывает: «В свете новых данных на Балканах в Центральной и Восточной Европе установлены две группы древнейшего верхнего палеолита, которые можно отнести к ориньякоидному и селетоидному ТК. Первая из них является “чистым” верхним палеолитом, вторая отличается отчетливо выраженными мустьероидными чертами. К этой последней относится и индустрия Стинки 1...» [2005, с. 173]. Таким образом, в настоящее время симбиотическая селетоидная индустрия Стинки-1 является главным претендентом на роль древнейшей верхнепалеолитической индустрии в Юго-Западной Европе. Однако для подтверждения или опровержения этого предположения нужны новые данные, в первую очередь ^{14}C -даты, что невозможно без новых раскопок памятника. По своим общим характеристикам эта индустрия вполне вписывается в общий круг разнокультурных симбиотических индустрий региона, которые можно именовать молдавским селетом, если учитывать прежде всего листовидные двусторонне обработанные наконечники, или молдавским ориньяком, – если придавать первоочередное значение всегда присутствующим в них ориньякоидным элементам.

На территории *Вольно-Подолши* древнейшая из известных верхнепалеолитических индустрий (Куличивка, слой III) относится к ориньякоидному ТК. Индустрия этого слоя, как и вышележащих слоев I–II, основана на пластинчатой технике скола, направленной на получение крупных и достаточно массивных пластин, в сочетании с хорошо выраженной леваллуазской техникой, представленной типичными леваллуазскими острями и нуклеусами. Такое сочетание не характерно для типичного ориньяка, однако формы орудий (скребки и остря на ориньякских пластинах, высокие скребки, скребки “с носиком”, пластины “с перехватом”, многофасеточные резцы) и проявления способа их изготовления (“избыточная” краевая ретушь, многофасеточные резцовые сколы) вполне укладываются в предложенное мною определение ориньякоидного ТК [1994, 2003, 2005a]. Выразительный архаичный

компонент свидетельствует лишь о том, что разнокультурные индустрии, относящиеся к этому ТК (как, впрочем, и к любому другому), имеют разный генезис. В данном случае гипотеза о связи волыно-днепровских ориньякоидных индустрий с центрально-европейским богунисьеном [Коев, Степанчук, 2000; Степанчук, Коев, 2002; Meignen et al., 2004] представляется вполне правомерной.

Что же касается более восточных ориньякоидных индустрий, чья культурно-генетическая связь с Куличивкой очень вероятна (Жорнов-1, верхний слой; Радомышль), то и стратиграфически, и по ^{14}C -датам они сравнительно молоды. Соответствующий слой Жорнова-1, вероятно, датируется финалом средневалдайского мегаинтерстадиала, а Радомышль относится к позднему валдаю [Аникович, 1991, с. 23–34]. К востоку от этих памятников (бассейн Десны) также фиксируется значительный разрыв между среднепалеолитическими индустриями типа Хотылево-1, Бетово и проч. и самыми древними верхнепалеолитическими памятниками типа Хотылево-2, датированного по ^{14}C ~24 тыс. л.н. Говорить о какой-либо культурной преемственности между ними в данном регионе не приходится.

В бассейне Причерноморья-Приазовья, а также в нижнем течении Днепра, Дона и Днестра верхнепалеолитические памятники древнее 22 тыс. л.н. единичны. В культурном отношении они связаны с соседними регионами: “стрелецкие” слои комплекса стоянок Бирючьей Балки – со средним Доном, Зеленый Хутор-1, -2 – с Днестровско-Прутским междуречьем. Впрочем, подъемные материалы Зеленого Хутора-1, -2 могут быть датированы только интуитивно. Серия AMS-дат, полученных для стоянок Бирючьей Балки, показывает, что мустьерские слои их памятников относятся примерно к 40–35 тыс. л.н. Для типично стрелецких слоев этих объектов, в первую очередь Бирючьей Балки-2, ^{14}C -дата 26 тыс. л.н., хотя имеется и более древняя дата – ок. 31 тыс. л.н. [Otte, Matyukhin, Flas, 2006]. Культурно-генетические связи между местным мустье и слоями, относящимися к стрелецкой культуре, усматривает А.Е. Матюхин [2005], но я подобные связи решительно отрицаю.

Крымский полуостров представляет собой наиболее специфический район становления верхнего палеолита – “неандертальский рефугиум”. Согласно последним данным, среднепалеолитические индустрии просуществовали здесь до 20–18 тыс. л.н. [Степанчук, Ковалюх, ван дер Плихт, 2004, с. 41–44]. Эти определения, безусловно, нуждаются в проверке, но никак не могут быть безоговорочно отвергнуты на том лишь основании, что не соответствуют нашим привычным представлениям.

Время от времени, примерно с 32–30 тыс. л.н., на этой территории периодически появлялись носители

разнообразных верхнепалеолитических культурных традиций – с тем, чтобы исчезнуть, не оказав сколько-нибудь заметного влияния на местное население. Лишь в позднеледниковье местные среднепалеолитические традиции прервались, уступив место высокоразвитым верхнепалеолитическим индустриям. Какой-либо культурной преемственности между теми и другими не прослеживается.

Нельзя не упомянуть о том, что на противоположном конце Европы, на Иберийском полуострове, сложилась очень сходная ситуация. Новые веяния в области обработки камня и кости не проникали в регион еще долгое время после того, как в соседней Франко-Кантабрии и к востоку от нее произошла смена среднего палеолита верхним. Самые поздние мустьерские памятники там датируются ок. 30 тыс. л.н. и более поздним временем. Свидетельств появления в регионе верхнепалеолитических индустрий до этого не обнаружено [Straus, 1996, p. 210]. Таким образом, можно предположить, что на крайнем западе Европы переход к верхнему палеолиту совершился позднее, чем в иных районах [Villaverde, Aura, Barton, 1998, p. 185]. По некоторым данным, в Западной Иберии, на территории Португалии, верхнепалеолитические (граветские) индустрии появились только 26–25 тыс. л.н. [Raposo, 2000, p. 104].

Нечто подобное, хотя и не в такой выраженной форме, наблюдается на территории *Кавказа*. Там также имеет место длительное переживание СП, ВП является сравнительно поздно. ^{14}C -даты, полученные для верхних микокских и мустьерских слоев северокавказских пещер Мезмайская и Мыштулагты-Лагат, имеют значения порядка 33–32 тыс. л.н., а для пещеры Матузка/слой 4В-С – 34 200 ± 1 400 л.н. [Golovanova, Doronichev, 2003; Hidjrati, Kimball, Koetje, 2003]. Наиболее поздний мустьерский комплекс Ахштырской пещеры достаточно близок им по времени – 35 ± 2 тыс. л.н. [Любин, 1989, с. 74]. В Закавказье близкий возраст имеет мустьерские материалы в Орталеве Кледе. Возраст нижнего верхнепалеолитического слоя 1С в Мезмайской пещере, судя по единственной ^{14}C -дате, составляет ~32 тыс. л.н. [Golovanova et al., 1999]. Для 7-го слоя Апианчи получена ^{14}C -дата: 32 800 л.н. [Kozlowski, Otte, 2000, с. 525]. Таким образом, согласно имеющимся сейчас данным, на Кавказе смена среднего палеолита верхним началась где-то в интервале от 35 до 32 тыс. л.н.

Парадоксы РВП Восточной Европы и проблема его происхождения

Сделанный обзор выявил парадокс: древнейшие верхнепалеолитические памятники появляются не там, где их, казалось бы, следует ожидать (юг, юго-

запад Восточной Европы), а в северных регионах – на среднем Дону, в бассейнах Клязьмы, Камы и Печоры. Кроме того, там, где имеется древнейший ВП (древнее 36 и даже 40 тыс. л.н.), нет и следа того мустье, из которого он должен “вырастать”, согласно классическим эволюционистским представлениям. Наконец, здесь нет оснований говорить о предшествовании древнейших симбиотических индустрий “развитым”. Скорее, наоборот, высокоразвитые индустрии типа Костенок-14/IVб явно древнее наиболее архаичной индустрии Костенок-12/III. И напротив: в тех регионах, где представлены достаточно выразительные среднепалеолитические индустрии, как правило, нет и следов “перехода” от них к местному верхнему палеолиту. Отмеченные здесь симбиотические индустрии типа “молдавского селета” чаще всего сравнительно молоды. О возможном исключении из этого правила (Стинка-1) я упоминал выше, но при отсутствии абсолютных дат говорить о нем с уверенностью пока преждевременно.

Все это совершенно не соответствует представлениям об автохтонном, эволюционном развитии и требует объяснений.

Я неоднократно писал о методико-методологических основах для установления вероятных генетических связей между индустриями, принадлежащими разным эпохам – в данном случае СП и ВП [Аникович, [2004а], с. 267; 2005б, с. 43–46]. Здесь повторяться не буду. Укажу лишь на главное: культурно-генетические связи могут быть установлены лишь в том случае, если фиксируется передача культурных традиций, хотя бы в редуцированном виде. В каменных индустриях такие традиции наиболее ярко проявляются в преднамеренно заданных формах (типах). Генетические связи стрелецкой культуры с крымским микоком были установлены мною на основе совпадения пяти специфических типов (треугольные наконечники с вогнутым основанием, “чокурчинские треугольники”, наконечники с округлым основанием типа “лист тополя”, наконечники с суженным основанием, подтреугольные скребки, в т.ч. со следами вентральной обработки основания)*. На тех же принципах была построена аргументация предполагаемой связи городцовой АК с Ильской стоянкой (Северный Кавказ) [Аникович, 2003, с. 27–28, рис. 17]. Подобным же образом устанавливает генетическое родство “преселетского” и селетоидного культурных слоев Стинки-1 Н.К. Анисюткин и украинские коллеги, пишущие о родстве Куличивки с богунисьеном [Степанчук, Коен, 2002; Meignen

et al., 2004]. Последний пример, впрочем, касается собственно РВП, к начальной стадии которого относится центрально-европейский богунисьен, а не культурной преемственности между различными эпохами.

Анализ других симбиотических индустрий юго-запада Русской равнины позволяет сделать вывод об их теснейшей генетической связи с РВП Центральной Европы. Об этом свидетельствует и общая структура этих индустрий: их можно в равной степени рассматривать и как ориньякоидные с листовидными наконечниками, и как селетоидные с ориньякоидными формами. Но главное – совпадение специфических типов. Наиболее яркий пример – костяные наконечники младеческого типа, найденные на стоянке Корпач Мыс [Борзияк, Григорьева, Кетрару, 1981, рис. 43]. Усматриваются связи между отдельными памятниками РВП в Юго-Восточной Европе (т.н. Степная зона) и объектами в других регионах. Так, местонахождения Зеленый Хутор-1, -2, расположенные в Степной зоне (Одесская обл.), типологически сходны с такими стоянками в юго-западной части Русской равнины, как Климауцы-1 и Миток-Малу-Галбен в бассейне Прута [Сапожников, 2005, с. 12]. О связях стрелецких слоев стоянок Бирючьей Балки (Северский Донец) и Костенок говорилось выше.

Итак, ряд симбиотических культур РВП демонстрирует культурно-генетическое сходство с индустриями предшествующей среднепалеолитической (мустьерской) эпохи. Однако нигде на территории Восточной Европы (единственное предполагаемое исключение – Стинка-1) эти связи не имеют строго автохтонного характера. Крымский микок, возможно, сыграл важную роль в становлении древнейших верхнепалеолитических индустрий с листовидными орудиями (стрелецкая АК, индустрии типа Заозерье-Бызовая, возможно, городцовская АК). Однако трансформация мустье данного типа в ВП происходила отнюдь не в пределах самого Крыма. Ничего подобного в ареале собственно “крымского микока” не зафиксировано.

Еще сложнее обстоит дело с типично верхнепалеолитическими (“развитыми”) культурами РВП. Лишь сравнительно молодую молодцовскую АК (опять-таки на основе сходства целого ряда типов) генетически можно связать, но не с мустьерскими культурами, а с симбиотическим “бюкским селетом”*. Что же касается древнейших “развитых” индустрий (спицынская АК, Костенки-14/IVб), то

*Сходство более “банальных” форм (продольные и угловатые скребла, мустьерские остроконечники и т.п.) я рассматриваю лишь как дополнительный аргумент и не придаю ему решающего значения.

*В литературе архаизм классического центрально-европейского селета зачастую сильно преувеличен. Наличие призматической техники скола, граветтоидных форм и т.п. обычно трактуется как посторонняя примесь. А на каком основании?

пока невозможно предложить хоть сколько-нибудь правдоподобную гипотезу их происхождения. Можно утверждать лишь одно: в Восточную Европу эти культуры были привнесены извне.

К сказанному следует добавить еще одно немаловажное замечание. До сих пор исследователи не смогли доказать, что среднепалеолитические индустрии Европы развивались по линии увеличения верхнепалеолитических характеристик (см. напр.: [Вишняцкий, 2006]). Иными словами, эволюция среднего палеолита в верхний на Европейском континенте не прослеживается. Однако, судя по публикациям наших сибирских коллег, именно в таком направлении шло развитие сибирского палеолита. Это в конечном счете привело к формированию двух культурных традиций РВП Горного Алтая – кара-бомовской и усть-каракольской. Налицо, как минимум, два различных сценария перехода к ВП.

Южно-сибирский вариант, бесспорно, ближе к привычному для нас сценарию “перехода”: постепенное сокращение мустьерских и наращивание верхнепалеолитических черт в технологии каменных орудий. Однако даже здесь появление целого комплекса костяных орудий и украшений в низах слоя 11 Денисовой пещеры выглядит, скорее, как некий революционный скачок, а не как результат постепенного развития.

Что касается становления ВП Восточной Европы, то его скорее следует связывать с аккультурацией: типичная развитая верхнепалеолитическая культура, привнесенная мигрантами, повлияла на развитие местной мустьерской культуры. В результате этого и появились т.н. симбиотические культуры РВП Восточной Европы.

Идею аккультурации как одного из определяющих факторов формирования европейского ВП предложил и детально разработал Ф. Олсворт-Джонс [Allsworth-Jones, 1986]. Она была поддержана рядом исследователей, в т.ч. и мною. Новые материалы, полученные на среднем Дону в 1998–2004 гг., не только подтверждают эту концепцию, но и наполняют ее новым содержанием.

Аккультурация как вариант социокультурной адаптации

Когда археологи говорят о процессах адаптации, они обычно подразумевают те или иные варианты приспособления человеческой культуры к изменяющимся природным условиям. Это в принципе правильно. Именно в этом ключе сибирские коллеги трактуют изменчивость среднепалеолитических индустрий на юге Северной Азии. Именно так, с моей точки зрения, следует интерпретировать и дальней-

ший переход от РВП к СВП на территории Восточной Европы (это тема отдельной работы). Однако то, что происходило на территории Восточной Европы в процессе становления ВП, имело принципиально иной характер. Здесь речь идет не об адаптации культуры к изменяющимся природным условиям, а скорее о взаимной адаптации друг к другу принципиально различных культурных традиций – средне- и верхнепалеолитической.

В самом деле, можем ли мы утверждать, что процесс становления ВП на территории Восточной Европы явился результатом воздействия некоего географического, природного фактора на человеческую культуру? С учетом того, что нам уже известно о времени и обстоятельствах данного процесса в указанном регионе, ответ будет однозначным – нет, не можем. Тогда возникает другой вопрос: а случайны ли те парадоксы, на которые я уже обращал внимание выше? На юге Восточной Европы имеется большое количество мустьерских памятников, но там нет и следа “плавного перехода” от местного мустье к местному ВП. Связь симбиотических культур РВП с культурами мустье тех же южных регионов достаточно очевидна, но фиксируется она отнюдь не там, где тысячами существовали мустьерские культуры-“прародительницы”. Случайно ли это? По-моему, нет. Я считаю, что процесс аккультурации шел прежде всего там, где обе его “составляющие” – носители верхне- и среднепалеолитической традиций – оказывались пришельцами, чужаками. Именно встреча на “чужой” территории открывала возможность более-менее плодотворных контактов, взаимной социокультурной адаптации. Вот почему и в Днестровско-Прутском регионе, и особенно в Крыму, “прогрессивные” пришельцы довольно быстро вытеснялись за пределы территории, прочно освоенной среднепалеолитическим населением. В социокультурной адаптации нуждались именно изгои, а не автохтоны. Именно поэтому древнейшие высокоразвитые верхнепалеолитические культуры Восточной Европы появились отнюдь не в районах концентрации мустьерских памятников, а, напротив, там, где их не было, например на среднем Дону. И здесь же зафиксированы наиболее ранние проявления “симбиотических” традиций.

Вероятно, в Костенковско-Боршевском районе произошла “встреча” двух или нескольких потоков переселенцев – носителей мустьерских и верхнепалеолитических культурных традиций. Первыми, скорее всего, были выходцы из Крыма. Вторыми... кто знает? Быть может, переселенцы из той же Южной Сибири? Сегодня трудно сказать что-то определенное о месте их “исхода”. Поэтому любые, даже самые рискованные предположения на этот счет заслуживают внимательного рассмотрения и анализа.

Список литературы

- Аникович М.В.** Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы: Автореф. дис ... д-ра ист. наук. – СПб., 1991. – 40 с.
- Аникович М.В.** Основные принципы хронологии и периодизации верхнего палеолита Европы // Археол. вести. – 1994. – № 3. – С. 144–157.
- Аникович М.В.** Начальная пора верхнего палеолита Восточной Европы // Stratum plus. – 2000. – № 1. – С. 11–30.
- Аникович М.В.** Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 2 (14). – С. 15–29.
- Аникович М.В.** Происхождение костенковско-стрелецкой культуры и проблема поиска культурно-генетических связей между мустье и верхним палеолитом // Stratum plus 2001–2002. – [2004а]. – № 1. – С. 266–290.
- Аникович М.В.** Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы (периодизация, хронология, генезис) // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: Путеводитель по опорным стоянкам Костенковско-Борщевского палеолитического района и тез. докл. Междунар. конф., посвящ. 125-летию открытия палеолита в Костенках (23–26 августа 2004 г.). – Воронеж: Истоки. – 2004б. – С. 86–91.
- Аникович М.В.** О хронологии палеолита Костенковско-Борщевского района // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005а. – № 3 (23). – С. 70–86.
- Аникович М.В.** Сунгирь в культурно-историческом контексте и проблема становления современного человечества // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005б. – № 2 (22). – С. 37–47.
- Аникович М.В., Хоффекер Дж.Ф., Попов В.В., Дудин А.Е., Левковская Г.М., Пospelова Г.А., Кузьмина И.Е., Платонова Н.И., Форман С., Холлидэй В.Т., Картер Б.** Хроностратиграфия многослойной стоянки Костенки-12 (Волковская) в контексте хроностратиграфии палеолита Костенковско-Борщевского района // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района и сопредельных территорий. – СПб.: ООО “Копи-Р”, 2005. – С. 66–86. – (Тр. Костенковско-Борщевской археологической экспедиции; Вып. 3).
- Анисюткин Н.К.** Палеолитическая стоянка Стинка 1 и проблема перехода от среднего палеолита к верхнему на Юго-Западе Восточной Европы. – СПб.: ООО “Копи-Р”, 2005. – 186 с. – (Тр. Костенковско-Борщевской археологической экспедиции; Вып. 2).
- Борзьяк И.А., Григорьева Г.В., Кетрару Н.А.** Поселения древнекаменного века на Северо-Западе Молдавии. – Кишинев: Штиинца. – 1981. – 136 с.
- Борисковский П.И.** Очерки по палеолиту бассейна Дона. – М.; Л.: АН СССР, 1963. – С. 5–191. – (МИА; № 121).
- Вишняцкий Л.Б.** Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и переход к верхнему палеолиту: – Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб, 2006. – 36 с.
- Деревянко А.П.** Переход от среднего к позднему палеолиту – взгляд из Северной Азии // Переход от раннего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005а. – С. 501–508.
- Деревянко А.П.** Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита // Переход от раннего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005б. – С. 5–19.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М.** Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 280 с.
- Деревянко А.П., Рыбин Е.П.** Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Переход от раннего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 232–255.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В.** Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Переход от раннего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005а. – С. 283–311.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В.** Основные этапы развития палеолитических традиций на Алтае // Актуальные вопросы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2005б. – С. 68–77.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков И.А., Ульянов В.А., Черников И.С.** Исследования в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы XI Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2005. – С. 100–105.
- Коен В., Степанчук В.** Вариабельность перехода от среднего к верхнему палеолиту // Stratum plus. – 2000. – № 1. – С. 31–53.
- Козловский Я.К.** Значение переходных индустрий, являющихся производными леваллуа, для начала верхнего палеолита в Западной Евразии // Актуальные вопросы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 98–114.
- Любин В.П.** Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии. – Л.: Наука, 1989. – С. 9–142.
- Матюхин А.Е.** О ранней поре и генезисе позднего палеолита в бассейне нижнего Дона // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. – СПб.: Академ-Принт, 2002. – С. 81–101. – (Тр. Костенковской палеолитической экспедиции; Вып. 1).
- Матюхин А.Е.** Позднепалеолитические индустрии с двусторонними островами долины Северского Донца // Археол. вести. – 2005. – № 12. – С. 44–61.
- Павлов П.Ю.** Ранняя пора верхнего палеолита на Северо-Востоке Европы (по материалам стоянки Заозерье): Докл. на заседании Президиума Коми научного центра УрО Российской Академии наук. – Сыктывкар, 2004. – Вып. 467. – 36 с.
- Павлов П.Ю., Грибченко Ю.Н., Робрукс В., Свендсен Й.И.** Ранняя пора верхнего палеолита на Северо-Востоке Европы // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: Путеводитель по опорным стоянкам Костенковско-Борщевского палеолитического района и тез. докл. Междунар. конф., посвящ. 125-летию открытия палеолита в Костенках (23–26 августа 2004 г.). – Воронеж: Истоки, 2004. – С. 117–120.

Палеолитическое детство Алтая // Наука из первых рук. – 2005. – № 3. – С. 6–11.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Условия обитания в окрестностях Денисовой пещеры / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Аноikin – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: проблемы и перспективы / Редакторы А.А. Сеницын, Н.Д. Праслов. – СПб.: Академ-Принт, 1997. – 141 с.

Сапожников И.В. Пізній палеоліт степів південного заходу України: хронологія, періодизація і господарство. – Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Київ, 2005. – 32 с.

Семенов Ю.И. Как возникло человечество. – М.: Наука, 1966. – 576 с.

Сеницын А.А. Сходство и различие кара-бумского пласта и начального верхнего палеолита Восточной Европы // Актуальные вопросы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 179–184.

Сеницын А.А., Хоффекер Дж.Ф., Сеницына Г.В., Спиридонова Е.А., Гуськова Е.Г., Форман С., Очердной А.К., Бессуднов А.А., Миронов Д.С., Рейнолдс Б. Костенки 14 (Маркина Гора) // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: Путеводитель по опорным стоянкам Костенковско-Борщевского палеолитического района и тез. докл. Междунар. конф., посвящ. 125-летию открытия палеолита в Костенках (23–26 августа 2004 г.). – Воронеж: Истоки. – 2004. – С. 39–59.

Степанчук В.Н. Вопросы перехода к верхнему палеолиту в свете новых данных по Крыму и югу Восточно-Европейской равнины // Проблемы раннего верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района и смежных территорий. – СПб.: ООО “Копи-Р”, 2005. – С. 197–233. – (Тр. Костенковско-Борщевской археологической экспедиции; Вып. 3).

Степанчук В.Н., Коен В.Ю. Индустрия третьего слоя стоянки Кулычивка, Западная Украина // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. – СПб.: Академ-Принт, 2002. – С. 102–115. – (Тр. Костенковской палеолитической экспедиции; Вып. 1).

Степанчук В.М., Ковалюх М.М., ван дер Плихт Й. Радіовуглецевий вік пізньоплейстоценових палеолітичних стоянок Криму // Кам'яна доба України. – 2004. – Вып. 5. – С. 34–61.

Allsworth-Jones Ph. The Szeletian and the Transition from Middle to Upper Palaeolithic in Central Europe. – Oxford: Clarendon Press, 1986. – 412 p.

Bar-Yosef O. On the nature of transitions: The Middle to Upper Paleolithic and the Neolithic revolution // Cambridge Archaeological Journal. – 1998. – Vol. 8, N 2. – P. 141–163.

Forman S.L. OSL Dating of Kostenki: methods and results // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: Мат-лы Междунар. конф. к 125-летию открытия палеолита в Костенках, 23–26 августа 2004 г. – СПб.: Нестор-История, 2006. – С. 125–130. – (Тр. Костенковско-Борщевской археологической экспедиции; Вып. 4).

Golovanova L.V., Hoffecker J.F., Kharitonov V.M., Romanova G.P. Mezmaiskaya Cave: A Neanderthal occupation in the Northern Caucasus // Current Anthropology. – 1999. – Vol. 40, N 1. – P. 77–86.

Golovanova L.V., Doronichev V.B. The Middle Paleolithic of the Caucasus // J. of World Prehistory. – 2003. – Vol. 17, N 1. – P. 71–140.

Haesaerts P., Borziak I., Chirica V., Damblon F., Koulakovska L., van der Plicht J. The East Carpatian Loess Record: a Reference for the Middle and Late Pleniglacial Stratigraphy in Central Europe // Quaternaire. – 2003. – Vol. 14, N 3. – P. 163–188.

Hidjrati N.I., Kimball L.R., Koetje T. Middle and Late Pleistocene investigations of Myshtulagty Lagat (Weasel Cave) North Ossetia, Russia // Antiquity. – 2003. – Vol. 77, N 298. Режим доступа: antiquity.ac.uk/ProjCall/asia.html.

Kozłowski J.K. The problem of cultural continuity between the Middle and the Upper Paleolithic in Central and Eastern Europe // The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean / Eds. O. Bar-Yosef, D. Pilbeam. – Cambridge: Harvard University Press, 2000. – P. 77–105.

Kozłowski J.K., Otte M. The formation of the Aurignacian in Europe // J. of Anthropological Research. – 2000. – Vol. 56, N 4. – P. 513–534.

Meignen L., Geneste J.-M., Koulakovskaia L., Sytnik A. Koulichivka and its place in the Middle-Upper Paleolithic transition in Eastern Europe // The Early Upper Paleolithic Beyond Western Europe / Eds. P.J. Brantingham, S.L. Kuhn, K.W. Kerry. – Berkeley: University of California Press, 2004. – P. 50–63.

Mellars P. Major issues in the emergence of modern humans // Current Anthropology. – 1989. – Vol. 30. – P. 349–385.

Otte M., Matyukhin A.E., Flas D. La Chronologie de Biryuchya Balka (Région de Rostov, Russie) // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: Мат-лы Междунар. конф. к 125-летию открытия палеолита в Костенках, 23–26 августа 2004 г. – СПб.: Нестор-История, 2006. – С. 183–192. – (Тр. Костенковско-Борщевской археологической экспедиции; Вып. 4).

Pyle D.M., Ricketts G.D., Margari V., Andel T.H., Sinityn A.A., Praslov N.D., Lisitsyn S.N. Wide dispersal and deposition of distal tephra during the Pleistocene ‘Campanian Ignimbrite/Y5’ eruption, Italy // Quaternary Science Reviews. – In press.

Raposo L. The Middle-Upper Palaeolithic transition in Portugal // Neandertals on the Edge / Eds. C.B. Stringer, R.N.E. Barton, J.C. Finlayson. – Oxford: Oxbow Books, 2000. – P. 95–109.

Straus L.G. Continuity or rupture; convergence or invasion; adaptation or catastrophe; mosaic or monolith: Views on the Middle to Upper Paleolithic transition in Iberia // The Last Neandertals, the First Anatomically Modern Humans / Eds. E. Carbonell, M. Vaquero. – Barcelona, 1996. – P. 203–218.

Villaverde V., Aura J.E., Barton C.M. The Upper Paleolithic in Mediterranean Spain: A review of current evidence // J. of World Prehistory. – 1998. – Vol. 12, N 2. – P. 121–198.

Zilhão J., d’Errico F. The chronology and taphonomy of the earliest Aurignacian and its implications for the understanding of Neandertal extinction // J. of World Prehistory. – 1999. – Vol. 13, N 1. – P. 1–68.